

Не знаю, как другие, но я сочиняю только трезвый. Такие счастливые мгновения выпадают нечасто, так что мне приходится писать сразу много. Чтобы потом всю неделю выкладывать по одному стишочку в Интернет. Кстати, если б не Интернет с его живой и немедленной реакцией, я писал бы намного меньше. Как люди жили в XX веке? Как прозябали в XIX? Страшно подумать. Стихи читали друг другу только при личной встрече. Публиковались исключительно в журналах, книгах. Пушкин жил в одно время с Эдгаром По, но мог даже и не знать о его существовании. А сейчас, в эпоху Интернета, я могу писать Игорю Яркевичу, который живет на соседней улице, что, мол, неплохо бы встретиться, пивка попить, а могу писать Саше Гальперу, который живет в Нью-Йорке. Правда, пива я могу ему предложить, только если он приедет в Москву. Что, кстати, примерно раз в год и бывает. Помню, в по-

следний его приезд мы посетили рюмочную «Второе дыхание» (сейчас она уже закрылась, а тогда еще работала). Выпили там неплохо, дошло даже до драки. Гальпер был очень доволен. К чему я? А к тому, что время — удивительная штука. И то время, в которое ты живешь, — оно самое лучшее просто потому что другого у тебя все равно нет. Хоть при Сталине, хоть при Гитлере, а ты все равно обязан жить тогда, когда живешь. И любить, и рожать детей, и сочинять стихи. Обижаться друг на друга, ссориться, похмеляться. Когда я смотрю фильмы и сериалы про поэтов и писателей — мне, извините, смешно. Они там чуть ли не в постели друг другу стихи читают. Боюсь, когда снимут сериал про Емелина и Яркевича, — они тоже там не бухать по рюмочным будут, а только стихи и прозу друг другу читать.

Ну, лишь бы сняли.

* * *

Трудно в наше время быть приматом.
Ходишь, как последний аксакал.
Коммунизм настал в 80-м.
А потом в 2000-м настал.

Можно и не крыть с трибуны матом.
Ложь с телеэкрана — тоже ложь.
Я иду, играю со стигматом,
Или со стигматой? Хрен поймешь.

Станешь тут аббатом и солдатом.
Взял и пострелял, грехи простил.
Коммунизм настал в 80-м.
Но не задержался и уплыл.

Мишкой улетел олимпиадным
Прямо в 90-е, а там
Хорошо нарядным и всеядным
Уркам, патриотам и ментам.

В круге первом солнечного рая
Мы из ада вылезли за МКАД.
Каждого за что-нибудь карая,
Падает стремительный домкрат.

Падает ваш рейтинг, мирный атом
Накрывает сад и огород,
Коммунизм настал в 80-м.
А теперь 17-й грядет.

* * *

Снесли ларьки. Теперь у нас комфорт.
Везде лицензионная торговля.
Законно все, уютно и культурно.
Теперь везде торгуют прямо с рук.
Снесли ларьки. Они любимый город
Уродовали каждый божий день.
Особенно в подземных переходах
(Теперь там безопасно и темно).
А скоро станет чисто и уютно,
Ремонт идет уже четвертый год.
Снесли ларьки. А с ними и деревья
Повырубили: XXI век.
Кому нужны зеленые деревья?
Проклятых коммунистов пережитки?
И чаянья зловредных либералов?

И подлых нацпредателей чума?
Снесли ларьки. Искусственные розы,
А может, и не розы, а гробы,
Но бережно наш город украшают.
Покончили с торговлею стихийной.
Киоски поносили и теперь —
Теперь везде вполне лицензионно
Культурно вас обманут прямо с рук.

* * *

Они кладут рулонную траву,
В надежде задушить траву живую.
В надежде задушить мою Москву,
В надежде на судьбу свою кривую.

Рулонная трава лежала тут.
Низы порой справляются с верхами:
Глядите, одуванчики растут.
И всякие ромашки с лопухами.

* * *

Искусственное — значит, для элиты.
А мне бы возле берега в траву.
Ну а стихи — обычные молитвы,
Особенно, конечно, про Москву.

Особенно про Тушино. Спасите.
Опять идет карательный отряд.
Мне стены отвечают: извините.
Простите, — тротуары говорят.

Под пение последних колоколен
Гудит пустой подземный переход.
Народ из телевизора доволен.
Поет и веселится весь народ.

Не очень-то она и негодует,
Коленопреклоненная страна.
Но если ноосфера существует,
То кое-кто ответит. И сполна.

* * *

Никто не вырвется из клетки,
Повсюду мокрая труха.
Ну и зачем до серой ветки
Я еду от ВДНХ?

По монорельсовой дороге...
Благоустройство там и тут.
Гляжу в отчаянной тревоге
На изуродованный пруд.

Не сообщайте нашей власти,
Что где-то прыгают зверьки...
На «Тимирязевской» — о, счастье! —
Везде ларьки, ларьки, ларьки...

* * *

Закон суров, на то он и закон.
Москва-река по грудь, трава по пояс.
В Москве заснешь под колокольный звон,
А в Тушине заснешь под скорый поезд.

Который едет в Ригу, как тогда,
Когда мы были все-таки моложе.
И различали только города,
И верили почти в одно и то же.

В начале было очень много слов,
Спокойно, закрываются кавычки.
В Москве разбудит звон колоколов,
А в Тушине разбудят электрички.

* * *

Застыть в гнезде. Не издавать ни звука,
Опасливо вращая головой.
Бояться скрипа, шороха и стука,
Материи — живой и неживой.

Застыть в гнезде. Не говорить ни слова.
Не видеть и не слышать ничего.
Давно нельзя бояться нам чужого,
Тем более — бояться своего.

Все хорошо, поскольку по закону.
Все правильно, кому какое где?

Застыть в гнезде. Не подходить к балкону.
Застыть циклопом пуганным в гнезде.

За что аборигены съели Кука?
Похоже, за характер боевой.
Застыть в гнезде. Не издавать ни звука,
Опасливо вращая головой.

* * *

Боги не испытывают злости,
Боги проявляют интерес.
Вот и перемальвует кости
Где-то и кому-то мракобес.

Шутит над вселенною Создатель.
Дайте, что ли, ходу кораблю.
Верующий — просто вымогатель:
Дай мне, Боже, или разлюблю.

Тянется унылая дорога,
Хочется от рая откосить.
Потому что все-таки у Бога
Не за что прощения просить.